

Светлана Быстрова

**ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР
КОНЦЕПЦИЙ СМЕШНОГО В АНТИЧНОСТИ
(ЦИЦЕРОН И АРИСТОТЕЛЬ)**

Цицерон был одним из тех философов, которые, кроме мыслей, мнений, философских вопросов и ответов на них, «собирали» и смех, и смех которых собирали другие люди. Современники и потомки писали о необыкновенной популярности цицероновского остроумия. Его шутки собирались и оформлялись в отдельные сборники наряду с философскими трактатами и политическими речами, становились достоянием римлян и распространялись за пределы Рима. Разработанная им «теория смеха» – одна из немногих подобных теорий, дошедших до нас из античных времен. В работах, посвященных истории развития эстетических категорий, Цицерон упоминается в качестве одного из авторитетов в области теории комического, наряду с Аристотелем.

Традиционно считается, что история изучения смеха проходит под влиянием авторитета Аристотеля [3, с. 12]. Именно он дал наиболее точное и емкое определение смеха в 1-й части трактата «Поэтика», и сотни других, более поздних определений, представляли собой лишь его вариации. При этом теоретики комизма очень часто говорят об утерянной 2-й части «Поэтики», в которой, по-видимому, содержались самые важные мысли Аристотеля о смехе. Ученые пытаются реконструировать эту книгу, опираясь на тексты учеников Аристотеля и тех античных мыслителей, которые в своих сочинениях так или иначе затрагивали тему смеха. Согласно версии Умберто Эко, изложенной в романе «Имя розы», 2-ю книгу «Поэтики» долгое время скрывал от посторонних глаз, а затем уничтожил монах Хорхе, так как решил, что она способна опровергнуть христианское представление о мире. С течением времени 2-я часть «Поэтики» стала своеобразным мифом – мифом о возможном раскрытии тайны смеха.

Однако, как до, так и после Аристотеля, философы, рассуждавшие на темы воспитания людей, их общения между собой, их отношения к государству, затрагивали и тему смешного. Они понимали, какой огромной силой обладает смех и как много зависит от того, кто им воспользуется и против кого он будет направлен. Некоторые древние философы, политики, ораторы, поэты, теоретики литературы и искусства (Демокрит, Аристофан, Платон и др.) выделяли вопросы смеха и комического в виде проблем философского и общественного характера. К сожалению, ни одно из древних произведений, специально посвященных этой теме, не дошло до нас. Мы располагаем лишь отрывочными или, в лучшем случае, более или менее систематическими

рассуждениями о смешном, включенными в философские труды. Богатый материал для различных теоретических обобщений о смешном дают также некоторые литературные произведения, философские диалоги, памятники судебного и политического красноречия, в котором особенно ценилось умение высмеять противника. В связи с этим уместнее всего вспомнить о Цицероне. Развернутую теорию смешного он излагает в трактате «Об ораторе», а отдельные ее аспекты развивает в трактате «Об обязанностях» и других своих сочинениях.

На наш взгляд, вклад Цицерона в развитие теории смешного – весьма интересная для исследования тема. Литературы, посвященной именно этому вопросу не так уж много. В то же время, нет недостатка в обобщающих работах по истории эстетики, эстетическим категориям, а также по истории драмы, ораторского искусства и литературы, где в связи с развитием теории смеха и комического всегда упоминается имя Цицерона [1; 6; 11; 12]. У авторов, специально анализирующих эстетические взгляды Цицерона (например у А. Ф. Лосева в его V-ом томе «Истории античной эстетики»), также имеются отдельные замечания относительно его трактовки смеха и комического [4]. Следует отметить статью Г. Грубе, в которой есть интересные мысли о теории смешного, выдвинутой Цицероном. Например, Г. Грубе полагает, что этот римский мыслитель и оратор не имел дела с утраченной 2-й книгой «Поэтики» Аристотеля или с трактатами его учеников, посвященными вопросам смеха. Разумнее допустить, что Цицерон находился под влиянием риториков эллинистической эпохи. Самостоятельность Цицерона в этой области философии подтверждается тем, что примеры, иллюстрирующие его теоретические положения, он берет, как правило, из римской ораторской практики и римской литературы [13]. М. Н. Чернявский в статье «Теория смешного в трактате Цицерона “Об ораторе”» также пытается обосновать определенную независимость Цицерона от Аристотеля, подчеркивая «богатую традицию римского остроумия» и наличие в теории Цицерона высоких этических критериев, введенных именно римскими мыслителями и «обусловленных определенным положением римской культуры середины I века до н. э.» [8, с. 184].

Цицерон создал свою теорию смешного, опираясь на опыт своих предшественников – философов, риториков, комедиографов, – но при этом весьма оригинально осмысливал категорию смеха. Интересно, что свои теоретические положения он иллюстрировал примерами национального римского остроумия; поэтому, благодаря Цицерону, у нас есть возможность узнать, как и над чем смеялись древние римляне времен заката Республики, а это немаловажно для понимания мировоззрения и культуры римлян и их эпохи.

Опираясь на авторитетные источники, среди которых, вероятнее

всего, были Аристотель, Теофраст и другие греческие философы, высказывавшие определенные суждения о смехе, а также привлекая богатую традицию греческого и римского остроумия, черпая материал из области искусства красноречия, поэзии и комедии, Цицерон в популярной, изящной, понятной и привлекательной форме изложил вполне законченную, целостную концепцию смешного. При этом Цицерон рассматривал смех и его отдельные разновидности в качестве эстетических категорий, которые не столько имеют самостоятельное значение, сколько могут и должны быть использованы в ораторской практике. С помощью конкретных примеров, иллюстрирующих теоретические положения, он показал, как следует применять орудие смеха, чтобы произвести должный эффект и добиться желаемой цели. Он не только дал определение смеха, но и ответил на те вопросы, которые традиционно считаются основными в теории смешного. Что составляет область смешного, и над чем люди смеются? Вслед за Аристотелем, Цицерон утверждал, что смех и комическое всегда прямо или косвенно связаны с человеком. Смеяться можно над человеком во всех его проявлениях. Исключение составляет – как об этом говорили Демокрит и Аристотель – только область человеческих страданий. Смешными могут оказаться вся внешность человека, его лицо, фигура и движения. Комическими могут быть суждения, в которых человек проявил недостаток ума. Особой областью насмешек является характер человека, его нравственная жизнь, его стремления, желания, притязания и цели. Смешной легко может оказаться речь человека, внезапно обнаруживающая те его отрицательные качества и недостатки, которые были незаметны, пока он молчал. Короче говоря, физическая, умственная и моральная жизнь человека могут стать объектами смеха. Однако, как полагал Цицерон, смешное надо уметь показать ярко, тонко и изящно, не нарушив при этом меры благопристойности. Для этого существуют определенные приемы, которые нужно изучать. Особые приемы, с помощью которых можно показать смешное в облике, мыслях или поступках человека, есть и в ораторском искусстве. Цицерон перечислил такие художественные приемы, с помощью которых оратор мог бы легко вызвать смех у аудитории. Причем каждый такой прием он старался проиллюстрировать конкретным примером (преимущественно из римской ораторской практики, реже – из римских поэтов или комедиографов).

Определяя область смешного, Цицерон, так же как и Аристотель, отнес к ней безобразное и непристойное. При этом из отдельных суждений Цицерона следует, что далеко не все безобразное бывает смешным. Безобразное либо противоположно прекрасному, либо является отклонением от него. Ничто истинно прекрасное не может быть

смешным; смешным может оказаться отклонение от него. В каждом человеческом обществе существуют определенные представления о должном, о том, что считается идеалом и нормой. Эти представления касаются как внешнего облика человека, так и норм его поведения в обществе, в моральной и общественно-политической жизни. Например, идеал телесной красоты в античном обществе в общем, по-видимому, определялся целесообразностью природы. Внешне прекрасным считался человек, сложенный пропорционально и гармонично, так, как это соответствует признакам человеческого здоровья – силе, быстроте, ловкости, способности к всесторонней деятельности. Смех же вызывают отклонения от нормы, недостатки, но только такие, наличие и вид которых не оскорбляют и не возмущают окружающих, а также не вызывают жалости и сочувствия. Например, не должны подвергаться осмеянию ни серьезные пороки и преступления, ни физические проявления болезней и старости.

При соблюдении определенных ограничений, правил и условий смешными можно представить не только нарушения биологического порядка, но и нарушения норм общественной и моральной жизни. У каждого народа существуют нормы общественно должного. В рамках определенного общественного уклада эти нормы приобретают форму неписаного морального кодекса, которому все следуют. Нарушения этого кодекса воспринимаются как нарушения неких жизненных норм и идеалов, как недостатки, и обнаружение таких недостатков вызывает смех.

Источниками смеха могут быть не только безобразные или неприглядные внешние черты человека, проявления его характера или поведение в обществе, но и бытовые формы жизни. В каждую эпоху у каждого народа имеются свои обычаи и нормы быта. Однако эти нормы меняются, причем иногда довольно быстро. Такие изменения сначала воспринимаются большинством как нарушения общепринятого и вызывают смех. В этом, например, кроется причина того, что объектом насмешек часто становится мода. Историю моды достаточно легко представить в комическом виде. Особенная одежда вызывает смех не столько своей необычностью, сколько тем, что она не соответствует существующим в обществе представлениям о том, что должен выражать тот или иной вид одежды.

Осмеянию может и должен подвергаться недостаток в человеке воли и ума. Глупость, неспособность делать правильные выводы, связывать причины и следствия, всегда вызывает смех. Люди часто говорят несуразные вещи и совершают глупые поступки. В первом случае мы имеем дело с неправильным ходом мыслей, выраженным в словах, и эти слова вызывают смех. Во втором случае неправильные умозаключения в словах не выражаются, но проявляются в поступках, которые и служат

причиной смеха. Иногда комическое в словах и поступках не обнаруживается явно, существует в скрытой форме и требует разоблачения. В таком случае смех возникает именно в момент такого разоблачения. Цицерон неоднократно подчеркивал, что насмешка над глупостью всегда остроумна и полезна. «Остроумно бывает также посмеяться над глупостью. Так, претор Сципион предлагал одному сицилийцу в защитники своего хозяина, человека знатного, но изрядно глупого, а сицилиец возразил: “Пожалуйста, претор, ты его дай в защитники моему противнику, а мне тогда можешь не давать никакого”» [10, с. 269].

Очень важным пунктом теории смешного Цицерона является положение о том, что в осмеянии следует придерживаться определенной меры. Об этом также говорил еще Аристотель. Определяя комедию как жанр, изображающий людей «худших, нежели ныне существующие» [2, с. 497], он полагал, что для создания комического характера требуется некоторое преувеличение какой-нибудь отрицательной черты человека. Любую такую черту можно представить в смешном виде, если ее преувеличить. Однако такое преувеличение требует известных границ, определенной меры. Отрицательные качества не должны доходить до уровня порочности и вызывать у аудитории чувство отвращения или омерзения, а также страданий (если речь идет о вызывании комического эффекта). Комичны лишь мелкие недостатки. Смешными могут быть глупцы и хвастуны, льстецы и скупцы, люди тщеславные и самонадеянные, мелкие плуты и молодящиеся старухи. Подобные недостатки комичны сами по себе. Однако в большинстве случаев недостатки скрыты и требуют разоблачения. Искусство осмеяния состоит в том, чтобы через внешние, физические недостатки человека показать его внутреннюю недостаточность. Видя дисгармонию, внешнее безобразие, человек невольно воспринимает их как показатель более глубоких и важных недостатков. Смех возникает в тот момент, когда открытие этой связи делается неожиданно и носит характер внезапного облегчения. Из всех приемов остроумия, перечисленных Цицероном, по его мнению, «нет ничего смешнее, чем неожиданность» [10, с. 276].

Лучшим доказательством того, что Цицерон может считаться авторитетом в вопросах смеха, служит его собственное остроумие. Он виртуозно владел приемами, с помощью которых теоретически возможно вызвать смех, и удачно применял их на практике. Он придавал огромное значение шутке и иронии в речи, считая, что возбуждение смеха полезно для оратора во многих смыслах. В частности, оно привлекает суд на сторону оратора и усиливает впечатление, производимое на аудиторию. Представление факта или лица в смешном виде снижает пафос выступления противной стороны и ослабляет ее доводы. Сам Цицерон

снискал славу великого оратора во многом благодаря своему остроумию. Многие восхищались этим его даром, а некоторые осуждали за злоупотребление своим талантом. Например, Плутарх в своем жизнеописании Цицерона пишет следующее: «...Когда Цицерон, честолюбивый от природы и подстрекаемый отцом и друзьями, посвятил себя делу судебной защиты, он выдвинулся на первое место, и притом не мало-помалу, а сразу же стал блистать славой и оставил далеко позади себя всех состязавшихся на форуме ораторов... Говорят, он не меньше Демосфена страдал недостатками в декламации, а потому усердно поучался как у комического актера Росция, так и трагического – Эзопа... Декламация же Цицерона немало содействовала убедительности его речей. Высмеивая ораторов, прибегавших к громкому крику, он говорил, что те по немощи своей выезжают на громогласности, подобно тому, как хромые садятся на лошадей. Тонкое остроумие, вкладываемое в такие шутки и насмешки, казалось уместным для адвоката и изящным приемом, но, пользуясь им слишком часто, Цицерон обижал многих и заслужил репутацию человека злого» [5, с. 525]. В доказательство своих слов Плутарх приводит множество шуток и остроумных замечаний Цицерона, среди которых действительно попадались очень злые и оскорбительные. «Можно признать, что применение колких шуток против врагов или тяжущейся стороны допустимо в качестве ораторского приема. Но Цицерону случалось обидно шутить над людьми просто ради смеха, и это часто навлекало на него ненависть...» [5, с. 544].

Впрочем, это вполне закономерно. Ведь целью смеха является исправление недостатков. Способный унижать, он должен производить на того, кто является его предметом, тягостное впечатление. Смех не достигал бы своей цели, если бы он носил на себе отпечаток лишь симпатии и доброжелательности. Чтобы вызвать должный эффект, смех должен обращаться к разуму и быть результатом определенных размышлений. Цицерон рассуждал об «интеллектуальном» смехе, смехе комическом, то есть смехе, вызванном чувством смешного, направленном на то, чтобы выявить безобразное и недостойное в человеке и, тем самым, возможно поспособствовать его исправлению. Он внес в понимание смеха важный философский момент, связав его с такими понятиями, как «подобающее», «нравственно прекрасное», «уместное», а также наделил смех обязательными с его точки зрения эстетическими характеристиками: «тонкость», «изящество» и т. д. Многие мыслители последующих веков ценили его за это, не забывая, впрочем, и покритиковать. «Цицерон в погоне за остротами нередко впадал в шутовство и даже серьезные предметы, выступая на суде, высмеивал с выгодой для себя, но переходя при этом границы дозволенного», – отмечает Плутарх и приводит несколько примеров этому. «Рассказывают..., что, защищая в свое

консульство Мурену, привлеченного к суду Катонем, он, чтобы поддеть Катона, долго издевался над учением стоиков за нелепость так называемых “парадоксов”, и слушатели хохотали так заразительно, что даже судьи не выдержали, на что Катон, слегка улыбнувшись заметил: “До чего смешной у нас консул!” Любовь к смеху и шуткам, похоже, вообще была свойственна Цицерону, потому и лицо у него было всегда ясным и улыбающимся» [5, с. 566]

Итак, Цицерон придал концепции смеха вид классической эстетической теории. Мыслители, которые в последующие века затрагивали тему смеха и комического, вынуждены были наряду с Аристотелем, признать также и авторитет Цицерона в этой области. Многие из них испытали прямое или косвенное влияние Цицерона и, в частности, развивали отдельные положения разработанной им теории.

Таким образом, постепенно в античности складывались различные теории смешного. Нам неизвестно, чтобы кто-нибудь из древних мыслителей до Аристотеля пытался в более или менее систематической форме изложить свои взгляды на смех и категорию смешного. Тем не менее, разбросанные по разным сочинениям, порой отрывочные рассуждения и высказывания древнегреческих поэтов и философов о смехе и его значении представляли собой важный материал, на котором впоследствии строились целостные теории.

Созданная Аристотелем теория смешного, несмотря на трудность ее реконструкции в изначальном виде из-за отсутствия первоисточника, стала основой и образцом для большинства теорий комического в последующие века. Аристотель связал сферу смешного и комического со сферой безобразного. Источник и основа комического – несоответствие, противоречие. По определению Аристотеля, смешное относится к области безобразного, которое понимается не только физически, но и как нравственно безобразное. Оно связано с ошибкой, с несоответствием между ожидаемым и происходящим. И наконец, оно не связано со страданиями и не приносит серьезного ущерба людям. Ошибка или дефект, являющиеся причиной смеха, не являются ни ужасающими, ни губительными.

На связь комического с безобразным указывал и Цицерон. Он также разработал теорию смешного, поместив накопленный его предшественниками опыт в систематизации категорий смешного и комического в определенный контекст. Более того, замечательный, искрометный юмор Цицерона, составивший немалую долю его славы, позволяет поставить цицероновскую концепцию смеха, наряду с аристотелевской, на центральное место среди античных представлений о смешном. Цицерон дал определение смешного, во многом аналогичное аристотелевскому, акцентируя внимание прежде всего на способе

выражения смешного как некоторой части безобразного. Для того чтобы сделать непристойное или безобразное смешным, необходима определенная эстетическая форма. Соответственно, Цицерон выделил различные роды смешного, к которым относятся остроумие, юмор, колкость и ирония. Главная мысль Цицерона состояла в том, что все они могут и должны применяться в *ораторской речи* как средства осмеяния. При этом он ответил на вопрос о том, *в какой мере* можно использовать осмеяние, а также, что очень важно, связал свою концепцию смешного и его разновидностей с категорией *подобающего*. Кроме того, Цицерон внес важный философский момент в понимание сущности комедии. По словам Цицерона, комедия есть подражание жизни, зеркало привычек, *отображение истины* [7, с. 74].

Итак, благодаря Аристотелю и Цицерону складывается эстетическая концепция смешного и комического, в которой основные проявления смеха объясняются, а также оправдываются или осуждаются с этической или какой-то другой точки зрения. В теориях этих мыслителей было сформулировано практически все, что касалось античной практики смеха в искусстве и литературе, в риторике и философии.

1. Аникст А. А. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга.– М., 1967.
2. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения.– Т. 4.– М., 1984.
3. Карасев Л. В. Философия смеха.– М., 1996.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм.– М., 1976.
5. Плутарх. Избранные жизнеописания.– М., 1987.
6. Поэтика древнеримской литературы.– М., 1989.
7. Цицерон. Диалоги.– М., 1994.
8. Цицерон. Сборник статей.– М., 1958.
9. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве.– М., 1972.
10. Цицерон. Эстетика: Трактаты, Речи, Письма.– М., 1994.
11. Шестаков В. П. Эстетические категории. Опыт систематического и исторического исследования.– М., 1983.
12. Clark В. Theories of Drama.– L. 1960.
13. Grube G. M. A. Cicero: the education of orator // Grube G.M.A. The Greek and Roman Critics.– London, 1965.